

* * *

Такая во сне уязвимость,
как будто бы сняли с меня
ладони Божественной милость
среди бесконечного дня,

в котором ни ветки, ни птицы,
ни тёмного дома вдали...

Но можно и здесь заручиться
угрюмой поддержкой земли.

Но можно и здесь надышаться
игольчатым воздухом впрок,
на гиблом ветру удержаться
за светлый репейный комок,

его золотые ресницы
в руке шевельнулись моей,

чтоб в линию жизни вцепиться,
не дав улетучиться ей.

* * *

Из какого глядим мы покоя,
если в злой суете бытия
вдруг на нас налетает такое:
«Боже мой, что здесь делаю я?!»

Из какой тишины безмятежной
слышим гам у базарных ворот,
лай собак, одинокий неспешный
захолустного времени ход?

Значит, кто-то берёт нас легонько
в чудотворное небо своё
на секунду нездешнюю, только
нам до смерти хватает её.

Голем

...А на лбу у него светится слово «ЖИЗНЬ»,
в голове – стекляшка, в груди – лоза.
– Вот слеплю, и будет он нам служить, –
говорит мне сын, тревожны его глаза.

– Будет нас спасать от любой войны,
будет гнать подальше от нас беду.
– Саша, сколько света и тишины
вон, в апрельском облаке и в саду.

Дался тебе этот глиняный истукан!
Вон, перо спускается по лучу...

Ухожу.

Наливаю вина в стакан.

И курю, и думаю, и молчу.

Сказочка про пулю

Пулю, в сердце выпущенную из ствола,
озарило вдруг, что она – пчела,
что лететь назначено ей Творцом,
а не тем, кто форму залил свинцом,
кто спустил, не дрогнув, тугой курок...
И летит она, потому что срок
сквозь тишайший воздух,
домашний дым
ей нестись к подсолнухам золотым,
пить нектар, возиться в сухой пылице,
и затихнуть вечером на крыльце –
на летке родимом в косых лучах,
чуя запах мыла, сырых рубах
со двора, где после дневных сует
все за стол садятся,
и смерти нет.

* * *

Он говорит, смотря на осенний куст:
«Листья везде опали, а этот себе горит.
Воздух окрестный тёмн уже и пуст,
а здесь, на холме, свет-то какой стоит!

Словно со всей округи кто-то принёс свечей
и язычков печного трепетного огня.
Словно бродил я долго где-то среди ночей,
и подошёл к окну дома, где ждут меня.

Будет мне в нём светло, буду я в нём любим,
будет совсем не страшно
вслушиваться в темноту».

Он отворяет куст, входит, чтоб вместе с ним
жить от листа к листу.

* * *

И в слово лёгкое вместишь ты напоследок
косматый промельк придорожных веток,
на пальце мёд и варезку в снегу...

Куда-то вдаль над местностью печальной
оно плывёт ладью погребальной,
а ты в траве сидишь на берегу.

Но будет день и будет ночь кривая,
и ты пойдёшь, пути не разбирая,
водой ли, глиной, воздухом во мгле.

А там зима растёт из рукавицы,
и снег встаёт, и вспорх синичий длится,
и твёрдый мёд сияет на столе.